

Катрин Корр

Ни за что и никогда

И тут мне подумалось:
возможно, в самом несносном мальчишке моих детских кошмаров,
скрывался самый настоящий романтик.

Катрин Корр

Ни за что и никогда

«Автор»

2018

Корр К.

Ни за что и никогда / К. Корр — «Автор», 2018

Провести лето на Азовском побережье — сказка не иначе! Особенно, когда в этом волшебном местечке есть старенький домик, что хранит так много теплых воспоминаний о беззаботном детстве. С трудом переживая разрыв с женихом, Соня бежит в село, где проводила каждое лето у любимой бабушки. Однако тихое местечко, что раньше проезжали мимо отдыхающие, за несколько лет превратилось в самый настоящий курортный островок высшего класса. И лишь одно портило всеобщую картину — старый дом Сони, что оставила ей бабушка после смерти. Почему жители села так недружелюбны? Отчего местное радио распространяет глупые слухи о девушке? И почему, спустя восемь лет, противный мальчишка из детства по-прежнему усложняет её жизнь?

© Корр К., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Пролог	5
1	13
2	16
3	20
4	27
5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Катрин Корр

Ни за что и никогда

Пролог

2007 год

Не было на свете ничего прекрасней столь теплых вечеров на пляже, под затихающее дуновение усталого ветра. Песок остывал, уже не обжигал ступни, вынуждая причудливым образом мчаться к воде. Можно спокойно пройтись по сверкающим золотым песчинкам, рисовать ракушками немыслимые узоры на мокром песке и наблюдать за красотой уходящего дня. Я с упоением оглядывала Азовское побережье, что напоминало форму полумесяца, и с особым трепетом любовалась скалами, где скрывались сказочные бухты. Говорили, что там невероятно красиво, а еще, что там очень много змей. И, конечно же, мне всегда запрещалось даже и думать о том, чтобы отправиться туда вместе с друзьями. А они, к моему глубочайшему сожалению, уже побывали там три дня назад.

– Ты смотрела «Пляж» с Леонардо Ди Каприо? Мы нашли бухту, где вода такая же светлая, почти бирюзовая!

– И там так мелко! Идешь и идешь в море, а вода по колено!

– А еще там неподалеку стояла палатка, в ней кто-то громко пыхтел. Мы так смеялись! Вернулись домой около двенадцати ночи! Это было очень круто! Плохо, что бабушка тебя не отпускает, там ведь не так опасно, как она себе представляет.

Мне с трудом удалось изобразить улыбку. Она была такой же вымученной, как корова, что ничего не могла поделать с настырным роем мух и мошек, норовящих укусить побольнее. Будь мои друзья хоть чуточку внимательнее, то заметили бы это. В нашей компании только Илюша Шапочка, Лешка и Юлька были местными ребятами, а мы с Настей и Светой – приезжими. Наши бабушки жили на одной улице. Мы гуляли каждый день и могли часами сидеть на лавочке под огромным деревом с темной шелковицей и обсуждать любого, кто пройдет мимо. Как старики, которых хлебом не корми, а дай посплетничать. Каждое мое лето в деревне не обходилось без этих ребят. Мы играли в мяч, прыгали через резинки, строили городки, катались на велосипедах и спускались к морю. Вот только я возвращалась домой в девять, когда только-только начинали сгущаться сумерки, а им разрешалось гулять до половины одиннадцатого! И мне всегда казалось, что именно за эти полтора часа моего отсутствия, с ними приключалось нечто очень забавное. Такое занимательное, что на следующий день ребята могли часами обсуждать один момент и смеяться до слез. А мне же оставалось только кивать и скрывать обиду за кривой улыбкой.

В особенности, меня раздражала наша Света, что постоянно перебивала именно меня. Ей было пятнадцать. Она никогда и ничего не боялась, могла разругаться с родителями, бабушкой и дедушкой, а потом вставить наушники и слушать на самой высокой громкости тяжелый рок. Иной раз она меня очень пугала. А еще, несказанно выводила из себя своими глупыми шуточками, над которыми ржала как сумасшедшая лошадь. Мне казалось, что в её огромном рту мог поместиться грузовик, честное слово! Света с завидной регулярностью строила из себя крутую девчонку, и казалось, будто она уже сорок лет прожила, все пробовала и все видела.

Я вспомнила, как продолжительно улыбнулся ей наш Илюша сегодня утром и содрогнулась от ужаса. Зуб даю – он влюбился в Светку. Постоянно садился рядом с ней, мороженое покупал и заглядывал прямо в её огромный-огромный рот с лошадиными зубами, когда она рассказывала о своей «тупой, ужасной и кошмарной школе». Обсуждая учебу, Света всегда

подчеркивала, что именно её одноклассники – худшие на свете придурки. Именно её учителя – древние мумии, которым давно пора на пенсию. Именно её директриса – жуткая стерва, у которой давно не было мужика.

Именно.

– Знаешь, в нашей школе все то же самое, – сказала я как-то, натянув улыбку, – прям точь-в-точь.

Но Света как обычно лишь язвительно хмыкнула, одарив меня демонстративно-безразличным взглядом, и принялась снова доказывать, что её унылая жизнь не шла ни в какое сравнение с нашими. И уж в особенности с моей.

– Соня, идем купаться? – спросила меня бабушка, поднимаясь на ноги. – Море успокоилось, можешь теперь на своей плюшке надувной поплавать. Я не разрешаю этого делать, когда сильный ветер, – поспешила объяснить она своим подружкам, что частенько расстилали свои покрывала рядом с нашими. – Не дай бог еще унесет в море!

– Да, да, – поддакивали они в ответ. – Слышали, как одного приезжего унесло? До сих пор найти не могут! Уснул на матрасе надувном и все. Скопытился.

Я подняла голову и взглянула на упитанных женщин в разноцветных сплошных купальниках, утягивающих обвисшие животики. Моя бабушка была самой низенькой из их троицы и, как говорила мама, с воздушными пышечками, вместо бедер.

– А как тогда узнали, что его в море унесло? – спросила я, поднявшись на локтях. – И как люди узнали, что он заснул?

– Ну, говорят так. Мне Люда Остапенко рассказала, а ей я уже и не помню кто, – пожалала плечами тетя Галя и поправила широкую лямку на загорелом плече. – Идем, девочки, поплещемся немного!

То, что меня по-прежнему старались запугать страшилками, которые выдумывали местные сплетницы, – а собирались они каждое утро у входа в центральный магазин – не только злило, но и задевало мое хоть и скромное, но все же достоинство. Извините, но мне уже двенадцать лет и я не настолько глупа, чтобы купиться на историю о том, как какой-то отдыхающий из пансионата пришел вечером на пляж, уснул и больше не проснулся, потому что перевернулся на живот и задохнулся от попадания песка в полость носа! Или как подвыпившие тетки сели на катамаран, отплыли от берега и решили прыгнуть в море, а когда вынырнули, то взбираться уже было не на что, поскольку катамаран унесло далеко-далеко.

– Их едва удалось спасти! Никогда не садитесь на эти штуковины! Только деньги выкачивают из людей, а сами на верную гибель отправляют! – говорила тетя Лида, местный информбюро. Она знала все обо всех. Иногда мне казалось, что в тумбочке у её кровати хранилась толстенная книжка, куда она записывала самые грязные секреты сельских жителей и ждала удобного случая, чтобы начать их этими секретами шантажировать.

– Соня? – снова окликнула меня бабушка. – Идем!

Я улыбнулась ей и уже намеревалась подняться, как вдруг неподалеку от нас в густых кустах маслины раздался мальчишеский вопль. Через пару секунд к морю наперегонки мчались парни, их было человек семь. Они что-то кричали и пытались обогнать друг друга, а потом первый бегун резво нырнул в воду, оставляя позади себя белую пену и пузыри.

– Э-э-э, знаешь, я еще полежу немного, – поспешила ответить я и снова опустилась на покрывало. – Лучше позагораю.

Хотя меня и тех парней разделяло приличное расстояние, я все равно чувствовала себя неловко. Мне не хотелось, чтобы они видели мою кошмарную фигуру и эти выпирающие кости, что никак не желали прятаться. Одно дело, когда на тебя смотрят бабушкины подружки, фигуры которых напоминают яйцо на ножках, а совсем другое незнакомые ребята... Они ведь и засмеять могут. Особенно меня – маленькую и тонкую, как спичка. Но сильнее всего мою уверенность в себе подавляло слабое наличие груди, что только-только начала расти. В двена-

дцать лет у меня было странное телосложение: худоба, светлая кожа, острые кости и два «прыщика», что некрасиво торчали под желтым купальником.

– Смотри только в панамке будь! – наказала бабушка, расправив плечи. – И не смотри, что уже вечереет, солнце все равно сильное.

Когда бабушка прошла мимо меня, я повнимательнее присмотрелась к парням, что плескались в море. Кажется, они были из нашего села. В этом месте, где росли пушистые кусты маслины, собирались многие из «Столичного». Так уж повелось. Некоторые приносили с собой бинокли и, лежа на покрывалах, разглядывали своих соседей, знакомых и родственников через пятое колено, а спустя пару часов, по селу разносились сплетни, мол у какой-то тетки купальник сороковых годов и как ей только не стыдно такой ужас на себя напяливать. Однажды дедушка Насти привез на море гостей тети Люды, нашей соседки. Кто-то из местных увидел это и пошел слух, что у стариков моей подружки очень туго с деньгами и её дедушке приходится заниматься развозками. А ведь он всего-лишь помог женщине! Бабушка говорила, что местные сплетницы уже совсем из ума выжили, и я была полностью с ней согласна.

От бронзовых лучей солнца песок как будто темнел, точно сахар на сковороде. Я наблюдала за бабушкой, что, наверняка, делилась секретами приготовления фаршированной утки, от которой все были просто без ума. Потом я взглянула на тех парней впереди, что плескались в воде и почувствовала, как с висков медленно стекал пот, а кожа буквально парила. В какой-то момент мои глаза начали закрываться. Голова постепенно опускалась, я ощущала утомительный жар и ничего не могла поделать с легкой усталостью, что вынуждала меня отдалиться послеобеденной дремоте. Шум моря убаюкивал, морской бриз околдовывал, и я, протяжно выдохнув, постепенно проваливалась в сон, как вдруг, что-то легкое и мягкое ударило меня по заднице.

Сдвинув панамку, я поднялась на колени и уставилась на парня, что бежал ко мне так быстро, точно участвовал в забеге. Высокий, но очень худой. На нем, как тряпка, висели широкие синие шорты, намокшие от воды, а кожа светилась бронзой.

– Без обид, – безразлично бросил он, пробегая мимо меня.

Я обернулась и с каким-то странным интересом наблюдала за его неуклюжими попытками поймать волейбольный мяч, что катился по ровному песку. Почему-то мне казалось, что у него пушистые ресницы и до ужаса кривые зубы. Парни с такой плоской конституцией тела часто являются обладателями кошмарной улыбки. Взять хотя бы четырех моих одноклассников!

Сделав вид, что этот мяч никоим образом не помешал моему лежанию под солнцем, я вновь опустилась на покрывало и накрыла голову панамкой, спрятав лицо от горячих лучей. Не прошло и двух минут, как этот дурацкий мяч снова треснул меня по заднице, но на сей раз намного сильнее.

– Эй! – выкрикнула я, поднявшись на колени. Парни впереди смотрели в мою сторону и ни один из них, кажется, не собирался бежать за мячом. – Осторожно!

– Кинь мяч! – потребовал тот худощавый.

Я огляделась и скорчила, должно быть, самую недовольную физиономию, потому что этот синий мяч остановился прямо у моих ног.

– Ты можешь шустрее, а? Мы играть хотим!

– Если надо, иди и бери сам! – ответила я, закатив глаза. Еще чего, слугу себе нашел что ли?

Поправив края покрывала, я собиралась снова лечь, как один из недоделанных волейболистов бросил в меня ракушку, которая, чудным образом, миновала мою голову.

– Эй! Ты совсем?!

– Сложно что ли? – недовольно бросил худой. – Брось мяч!

– Иди сам бери! Я тебе не «принеси-подай»!

Парень лениво направился в мою сторону. Не знаю, что двигало мною, но я резко схватила темное полотенце и накрыла им грудь. Боже, как же я стеснялась этих прыщиков!

– Вредина ты, – бросил он, одарив меня продолжительным и таким ненавистным взглядом, словно я лишила его новенького велосипеда.

Продолжая стоять на коленях и прикрывать полотенцем позорную часть своего не сформировавшегося тела, я обескуражено глядела на незнакомца, чьи ресницы действительно оказались слишком пушистыми, глаза цвета темного миндаля, а зубы...

Его белые и идеально ровные зубы я увидела спустя несколько дней, когда моя бабушка ушла в гости к одной нашей родственнице, а я, под предлогом «не хочу слушать старушечьи разговоры и лучше посижу с девчонками на лавочке», осталась дома. Убедившись, что бабуля скрылась за поворотом, я закрыла двери в нашем стареньком, но уютном доме и ринулась к ребятам, что в десятый раз собирались в полюбившуюся им бухту.

– Дождаться не могу, когда окажусь там! – пищала я от радости, дергая Настю за руку. – Там правда круто?

– Еще как! – улыбалась она, глядя на меня сверху вниз. – Ты ничего не берешь с собой?

– Неа.

– А полотенце?

– Так обсохну!

Не будь моя бабушка шпионкой, я бы, наверное, рискнула прихватить с собой даже коротенькое кухонное полотенце. Однако, она тут же спохватится, мол, а чего это на веревке сушится мокрое полотенце? Откуда оно? Неужели я ходила с друзьями на пляж без её ведома? В этом случае, домашний арест на несколько дней мне точно будет обеспечен. Если бы мама была здесь, моя жизнь находилась бы в её власти. А поскольку она приедет только к концу лета, мне приходилось слушаться нашу слишком бережливую бабулю.

– Надо же! Это правда ты, – подколола меня Света, набрасывая на плечи рюкзак. Она очень крупная. Не в том плане, что толстая, просто крупная и все. – А я думала блефуешь. – Она взглянула на Илюшу и с лошадиной улыбкой добавила: – Я, как обычно, сказала деду, что мы на пляж. Взяла с собой пирожки с яблоками. Будешь?

О, мой бог, неужели она втрескалась в мальчишку, что едва доставал ей до сисек и был тоньше зубочистки?

– На пляже съедим, – с какой-то детской радостью ответил Илюша и коснулся рукой её предплечья. – Я шоколадку взял.

– А я сок и пару бутербродов, – подхватила Настя.

– Моей бабушки не будет часа три, мы ведь вернемся к эту времени? – спросила я, оглядев всех.

– Это во сколько мы должны быть здесь? – Илюша хлопал большими синими глазами и с каким-то глупым выражением лица глядел на меня. Я почувствовала себя тупой. – В девять?

– Ну, что-то типа того, – пожала я плечами.

Света демонстративно фыркнула. Ей-богу, очень скоро я все лицо ей расцарапаю. Наша краснощекая Юлька часто заморгала и так громко сглотнула, что я вдруг ощутила себя на воображаемом ринге, где очень скоро состоится бой века. Если эта Света еще хоть раз позволит так явно выразить ко мне свою долбаную раздражительность, я ей точно навалю.

Мы с Настей шли позади всех, болтали о фильмах, книгах и глупых мальчишках в школе. Было уже начало восьмого вечера, когда наша небольшая команда спустилась с холма к асфальтированной дороге, за которой расстился самый прекрасный пляж на свете. По крайней мере, мне так всегда казалось. Солнце спряталось за горизонтом, песок утратил силу завораживающего свечения и теперь все вокруг постепенно отдавалось воле сумерек.

Мне хотелось идти быстрее. Чем раньше мы окажемся в бухте, тем больше времени я смогу там провести. Однако, наша всезнающая Света, что стала негласным командиром нашей команды, как будто нарочно отказывалась ускорять шаг.

– Насть, – обратилась я тихо к подруге, что была выше меня на три головы. У нее ужасно длинные ноги, прямо говоря, от самых ушей. И русые волосы до самой задницы. – Тебе не кажется, что Света несколько нагловатой стала?

Настя подняла большую ракушку и бросила её в море.

– Есть такое. Ты видела, как она вчера заехала мне по плечу? Как будто я мужик. Смотри, у меня синяк остался.

– Может с ней надо поговорить? Она ведет себя отвратительно.

Настя тихонько хмыкнула:

– С ней? Знаешь, по-моему, ты последний человек, которого она стала бы слушать. Не обижайся, ладно? Она тут сказала недавно, что ты...

– Что я «что»?

Понизив голос до шепота, Настя ответила:

– Настоящая заноза в слоновьей заднице. А поскольку задница слона слишком огромная, то и ты, точно гигантская зубочистка.

Обескураженная услышанным, я метнула яростный взгляд на Свету, что в сотый раз за пятнадцать минут закатилась громким смехом, который слушать уже было просто невыносимо.

Значит, вот как обстояли дела. Пока я беззаботно смотрела вечерний выпуск новостей с бабушкой, грезя о ночных прогулках с друзьями, эта идиотка называла меня занозой в заднице слона?

Внезапно из раскидистых кустов маслины, что поглотил полумрак, раздался протяжный свист. Юлька, Илюша, Света и Лешка обернулись, а мы с Настей машинально взяли за руки, точно почуяли опасность.

– Эй, вредина-а-а-а? – протянул кто-то издевательским тоном. – Вредина-а-а-а?

– Это кто? – шепнула мне Настя, потянув меня за собой. – Идем, чего стоишь?

– Вредина-а-а-а!

Света остановилась, недовольно расставив руки в боки, но Илюша, кажется, осторожно подтолкнул её, вынуждая двигаться дальше.

– Это что такое? – хмыкнула она, бросив взгляд в сторону кустов. – Это они нам кричат?

– Свет, не обращай внимания, – поспешил успокоить Илюша, по-дружески обняв её за плечо. – Это приезжие. Гостят у тети Нины, родственники её что ли. Они спутались с местными болванами, вот и цепляются к нормальным людям.

Мы продолжили путь вдоль берега, игнорируя громкий свист из кустов, что несказанно меня раздражал. Я рассказала Насте об этих парнях с их дурацким мячом, и она почему-то долго смеялась, узнав, что та самая «вредина» – я. Прекрасный вечер, ничего не скажешь. Сначала заноза в заднице слона, а теперь и вредина.

Дорога к волшебному месту заняла минут тридцать. К тому моменту, когда мы поднялись на холм и с захватывающей дух высоты глядели на поистине сказочную красоту спрятанной бухты с острыми скалами и огромными валунами, я наспех рассчитала время, и поставила на электронных часах будильник. Через сорок минут писклявый звук напомнит мне, что пора возвращаться домой, и моя тайная вылазка в бухту останется незамеченной для бабушки.

Я побежала вниз, перепрыгивая через камни. У пляжа не было ни одной палатки, поэтому мы не стеснялись громко верещать от восторга. Стянув шорты и футболку, я бросила все на песок и ринулась в воду. Мне нравилось купаться вечером, потому что вода казалась намного теплее, нежели днем. Да и вообще, в этих летних сумерках и вечернем морском воздухе было что-то настолько сказочное, что казалось, весь мир вертелся именно вокруг *этого* места, со сверчками в траве и миллиардами ярких звезд, разбросанных по темному небу.

В отличие от меня – дикарки, что впервые увидела настоящую бухту и радовалась, точно мишка сладостям, мои друзья аккуратно сложили свою одежду под кустом и только потом нырнули в воду. Мы плескались, веселились и пугали друг друга, ровно до тех пор, пока с пляжа не послышался знакомый свист.

– Опять они? – спросила Юлька, хлопая мокрыми ресницами. – Я думала, что эти придурки остались на пляже.

– И я.

Настя с явным сожалением в глазах посмотрела на меня и нырнула под воду.

– Ненавижу Ваську, – буркнула Юлька. – Он живет рядом со мной и постоянно включает свой дурацкий рок. Фу.

– Эй? Что ты имеешь против рока? – тут же спохватилась Света, брызнув в нее. – Не смей больше говорить такое, деточка!

– Света, а ты можешь объяснить, почему... – начала было я, да тут же смолкла.

– Вредина-а-а!

– Да уж, – хмыкнула Настя, почесав глаза, – лучше бы ты им, все-таки, кинула мячик. – Она ущипнула меня под водой, и я взвизгнула. – Они теперь от тебя не отстанут.

– О чем вы? Какой мячик? – спросил Лешка.

Пока Настя пересказывала ребятам эту короткую и дурацкую историю, в сгустившихся сумерках я заметила несколько темных фигур у самой кромки воды.

– Господи, они сюда идут?! – тихо, но в панике ахнула я. – Они что, сумасшедшие?

– Васька и Степа сдружились с городскими и бесстрашными себя почувствовали! Хотя, они и без того дураками были, а сейчас так вообще!

– А кто эти приезжие? – спросила Илюшу Света.

– Помнишь дом большой с красной крышей? Там еще забор такой красивый стоит из разноцветного кирпича, в прошлом году его поставили.

– Да, да. Поняла.

– Там раньше домик стоял маленький и в нем тетя Нина жила. Потом к ней приехали гости, никто толком не знает, кем эти люди приходятся ей. В общем, со взрослыми приехали и два пацана, с которыми Степа и Васька сдружились. Москвичи, вроде бы. Старушки спать ночами не могут, все стараются узнать у тети Нины о её гостях, а та отмалчивается.

– Эй, вредина? – крикнул кто-то на пляже. – Смотри не замерзни без своих шмоток!

Дурацкий мальчишеский смех встревожил, а уже спустя пару секунд привел меня в настоящее бешенство. Ни сказав и слова, я молниеносно поплыла к берегу, чувствуя, как в ушах барабанит шок, злость и разгоняющий сердце адреналин. Я вылезла из воды, не чувствуя прохлады, и подбежала к месту, где бросила свою одежду.

Песок.

Песок.

Кругом песок.

– Идиоты! Верните мои вещи! Эй?!

– Надо – подойди и сама возьми! – ответил насмехающийся голос за огромным камнем.

– Кретины!

– А ты вредина!

От остывшего песка исходила прохлада, и зубы уже стучали от холода. Ребята позади меня что-то кричали, наверняка, волновались, но я была уверена в своих силах и знала, что смогу навалить этим придуркам. Я не такая уж ранимая, беспомощная и маленькая, какой все меня считали.

– Где мои вещи? – громко спросила я, обойдя огромный камень, за которым эти придурки прятались.

Парни сидели на песке, человек пять. Один из них, худой и высокий, поднялся на ноги и медленно подошел ко мне. Он как Настя, выше меня головы на три, но тощий, как спичка. И тогда я впервые увидела его улыбку. Насмешливую, горделивую, противную до ужаса, но зубы... Белые, ровные, как будто только-только пластинку снял.

– Чего надобно, вредина?

– У вас мозгов нет, да? Вы украли чужие вещи! Вы украли МОИ вещи.

– Что? – делано удивившись, худой обернулся к друзьям и спросил их: – О чем это она?

– Да черт её знает. Может, она с дурки сбежала?

Худой снова повернул ко мне голову:

– Сбежала, да?

Я смерила этого болвана озлобленным взглядом и поджала губы:

– Верните мои вещи.

– Надо – заведи! – крикнул один и подскочил на ноги.

Парни позади этого дистрофика что-то подбросили в воздухе, а потом вообще начали играть, точно в волейбол. Только вместо мяча у них, по всей видимости, были мои шорты и футболка.

– Эй! Верните мои вещи! Не смейте даже прикасаться к ним своими грязными руками! – Я бросилась вперед, намереваясь словить одежду, но эти парни такие высокие, что мне даже, стоя на стуле, вряд ли удалось бы ухватиться за что-нибудь. – Отдайте!

– Наша маленькая обезьянка! – веселились они, перебрасывая мои вещи. – Прыгай! Прыгай! Обезьянка!

– Обезьянка!

– Вредная обезьянка! – восторженно выкрикнул худой и послал мне гадкую улыбочку.

Когда мои часы на руке начали издавать громкий сигнал, сердце рухнуло в пятки. Мне нужно было собираться и как можно скорее возвращаться домой, ведь не окажется меня там, бабушка больше вообще не разрешит мне гулять с наступлением темноты. Мне ли не знать.

– Прыгай, наша вредная обезьянка! Прыгай!

– Отдайте! – уже чуть ли не взмолилась я. – Пожалуйста! Мне нужно идти!

– Еще немного поиграем и отпустим тебя, вредная обезьянка!

Мне хотелось плакать. Я обернулась, в надежде, наконец, увидеть своих друзей, что просто были обязаны вступить за меня, но вместо спешащих на помощь ребят, передо мной стояли незнакомцы, которые так же, как и эти придурковатые дикари, смеялись надо мной. Особенно Света. Её вообще пополам перегнуло, точно вот-вот и она задохнется.

– Мне нужно уходить, помогите мне, – взволнованным голосом просила я. От обиды и разочарования по лицу потекла слеза, которую (слава богу!) в полумраке вряд ли кто мог заметить.

– Чего стоите? – весело бросил им худощавый. – Присоединяйтесь к игре! Знакомьтесь, это наша вредная обезьянка! Она любит прыгать и играть!

Я смотрела, как Света в два шага остановилась рядом с ним и, поймав мою одежду, стала громко хохотать. Она бросила мою футболку на песок, а шорты смяла в руках и подбросила в воздухе.

– Вредная обезьянка, значит, – хохотнула она. – И кто же этот гений, что придумал такое крутое прозвище?

Худой демонстративно сделал шаг вперед и поклонился.

– Дай пять, чувак! – засмеялась Света и стукнула кретина по руке. – А теперь, давайте играть!

Илюша с остальными поплелись вперед к Свете, даже и не взглянув на меня. Как будто на каторгу шли.

– Скотина, – сказала я, стиснув челюсти. – Я тебя на кусочки сейчас разорву.

– Вредная обезьянка! Вредная обезьянка!

Сжав в кулаках обиду и злость, я ринулась вперед, чтобы восстановить справедливость. По всей видимости, такой реакции не ожидал никто, и уж особенно эта идиотка, с которой я больше никогда не буду общаться. Предательница. Она знала, как строго моя бабушка относится ко времени, что стоит мне опоздать хоть на пять минут и потом я буду вынуждена безвылазно торчать дома. Но даже не это было столь важно. Это мужеподобное существо, с которым я хотя бы старалась дружить, принуждала ребят занять её сторону и оскорблять меня! Этого я ни за что ей не прощу.

– Ты что, с ума сошла что ли?! – закричала она, когда мои ногти впились в её шею. – Слезь с меня! Идиотка!

Света больно ударила меня в плечо, а чьи-то руки вцепились в мой живот и потащили назад.

– Ты мне все лицо расцарапала, дура! – крикнула она, когда меня буквально оторвали от нее. – Чокнутая! Ты заплатишь за это, тварь!

– Пошла ты! Ты не девчонка, ты самый настоящий мужик!

– Ты это мне, малявка? Беги домой, пока я тебе ноги не вырвала!

– Чмошница! – кричала я, пытаюсь вырваться из чьих-то рук. – Уродка! Тупая курица! Давай, бой-баба, иди сюда! Давно мне хотелось расцарапать твою уродливую морду!

Света набросилась на меня и повалила на песок. Мне удалось крепко схватиться за одну из её косичек и потянуть с такой силой, что у бедняжки прорезался девичий вопль.

– Соня, прекрати! – требовал Илюша, пытаюсь разнять нас вместе с другими. – Соня! Пора уходить! Твоя бабушка скоро дома будет!

Кое-как нас все же удалось отцепить друг от друга. Боль в правом плече поднималась к шее и расползалась по правой груди. Я вдруг зарыдала, сама не понимая почему. Боль была сильной, но не настолько, чтобы так громко рыдать.

Когда чьи-то костлявые пальцы, наконец, отпустили меня, я наспех подняла с песка первое, что увидела, и ринулась на холм.

Я бежала изо всех сил, не боясь пораниться о камни и колючки. Слезы текли ручьем, горькая обида тяжелым грузом сдавливала грудную клетку, а за моей спиной остались люди, с которыми я больше никогда в жизни и не заговорю.

Ни за что и никогда.

1

июнь, 2018 год

Мне было больно.

Сильно?

Настолько, что болели кости. Казалось, что невидимый массажист-экспериментатор выкручивал мои конечности в самые разные стороны, не обращая внимания на писклявые жалобы зарезанного пациента.

Неужели правда?

О, да. Мне было катастрофически больно осознавать, что все мои планы, мечты и надежды с ехидной ухмылкой помахали на прощание и устремились в прекрасное будущее какой-нибудь другой Сони, что жила в прекрасном розовом мире с отличным интернетом даже в самом глубоком подвале. С выжигающей сердце обидой, я хотела схватить ножницы и обрезать свои длинные волосы, чтобы избавиться от грузного прошлого. Я хотела разбить все зеркала в квартире, содрать обои, раскрошить посуду, сорвать шторы... Я действительно думала, что умру от слез в собственной кухне, от боли, что остановит или махом разорвет мое сердце.

Но нет. Я жива. Дышу и верю, что у меня все непременно наладится. То ли успокоительные творят чудеса, то ли глупое самовнушение.

«Это лето будет особенным! Запаситесь панамками, пляжными зонтиками и, девочки, надевайте свои самые сексуальные купальники, ведь сезон обещает быть жа-а-а-арким! Кстати, если кто не в курсе, самые лучшие тусовки проходят в клубе «Остров», что совсем скоро откроет свои двери после глобального ремонта! И это не реклама, это факт, мазафака!»

– ...Что-о-о? Такое можно говорить по радио? – спросила я, вытаращив глаза.

Водитель такси, что вез меня в «новую жизнь» (так я называла свою *конечную цель* последние несколько недель), ухмыльнулся и немного убавил звук. Я напрочь отказывалась верить, что его древняя «Ауди» с потрескавшейся серо-зеленой кожей и неприятным запахом от сигарет и чего-то кислого, должно быть, недавно вылившегося кефира или любой другой кисломолочной продукции, есть ничто иное как знак, предвещающий неудачу.

– Волна «НаслаждАйс» самая популярная здесь, – сказал мне водитель, совершая обгон. – Такие коры мочат, просто отпад. Кстати, они же местные. Ну, из *ваших*.

– ...Простите?

– Мы же в «Столичное» едем? – уточнил он, взглянув на меня в зеркало заднего вида. На вид ему лет тридцать не больше. Кожа смуглая, брови и волосы выгорели на солнце, а на шее, кажется, засос. Или грязь.

– В село «Столичное», – кивнула я. – Меня здесь не было очень давно. Лет восемь, – добавила я слишком тихо.

– Ого! За это время столько всего случилось. У вас там радиостанция своя появилась, считается самой популярной на Азовском побережье. Идете к родственникам? Или на отдых в пансионат?

– Раньше бабушка жила, но её уже нет, к сожалению. Не знаю, может какие-нибудь тети и дяди через пятое колено есть. В селах ведь так.

– Ну да. У вас там народу столько, что порой не проехать к пляжу. Вообще здорово стало, телевидение приезжает часто, а тусовки просто взрыв мозга!

Я всегда знала, что Азовское побережье – лучшее место на земле. Теплое море, золотой песок, звездные ночи... Дорога к пляжу была увлекательной и даже опасной, ведь в траве таились ядовитые змеи. Каждое утро, отправляясь в магазин за свежим хлебом, жители села здоровались друг с другом, интересовались делами, сплетничали. По дорогам разъезжали громкие

мотоциклы, тракторы, повсюду кипела жизнь. И дом в самом волшебном месте целого мира, что оставила мне бабушка, избавит мое сердце от самого большого и глубоко шрама. Подобно какому-нибудь современному лазеру. В этом я была уверена на все сто процентов. Да и мама одобрила мой побег из ада, в который я сама себя загоняла.

– Пару раз видела короткие репортажи, – кивнула я, прочитав смс-сообщение от оператора, что любезно сообщил о сумасшедших тарифах по Крыму. – Кажется, рассказывали о строительстве домов... Что-то в этом роде.

– Не просто домов, а целых вилл! – усмехнулся водитель и с заметной завистью в глазах взглянул на меня. – Вы тоже из элиты?

– ...Мм?

Мужчина проигнорировал мое замешательство и почему-то стал рассказывать о различных увеселительных заведениях, что раскинулись по Азовскому побережью. Оказывается, за эти восемь лет пляж засеяли ресторанчики с такой разнообразной кухней, что и одного лета не хватило бы обойти их все. Но самым популярным местом для жителей села, отдыхающих и иностранных туристов, которых за последние два года стало вдвое больше, был ночной клуб «Остров». По словам водителя, сюда приезжали веселиться даже из Феодосии и Симферополя, где своих развлечений было пруд пруди.

– Здорово. – С недавних пор я возненавидела ночные клубы, поэтому смогла сказать только это. Я смотрела в окно на расстилающиеся зеленые и маковые поля, видела в огромных воздушных облаках медведя и собаку, что чуть позже превратились в большого зайца, а когда моему зору предстал огромный указатель с надписью «Добро пожаловать в Столичное!», по телу неожиданно растеклось приятное волнение. – Ничего себе.

– Еще немного и будем на месте, – подмигнул мне мужчина и включил левый указатель поворота. Когда встречные автомобили миновали нас, мы свернули на ровную дорогу, что вела к зеленому холму. Помню раньше, здесь была яма на яме, а теперь темный асфальт гладкий, как стеклышко. Слева расположилась автозаправочная станция, чуть дальше автобусная остановка и киоск с прохладительными напитками. Повсюду машины и люди, чего, если мне не изменяет память, раньше здесь не было. – Так значит, вы едете отдыхать?

– Угу.

Что-то типа того. А возможно, останусь здесь до конца своих дней.

– Каждый день развожу отдыхающих по всему полуострову и завидую им по-страшному.купаются в море, загорают и отдыхают от работы. Кстати, на какую улицу едем?

– Комсомольская, 25. Вы ведь живете здесь, можете в море купаться, когда душе угодно.

– Легко сказать! Времени свободного нет. Отдыхающие толпами приезжают, так что я работаю. Извините, еще разок, какая улица?

Я повторила.

– О! Самый центр! – ахнул мужчина, приподняв выгоревшую бровь. – Значит, все-таки, элита.

– Вы о чем?

С самого детства не выносила это дурацкое умалчивание. Сказали «А», говорите и «Б».

– Я думал вам на Нижнюю улицу. Там сейчас все местные живут, а Комсомольская, Первомайская и Центральная заняты *элитой*.

Впереди появилось нечто очень странное. Раньше с высоты холма виднелись длинные серые амбары, коровье пастбище и круглый ставок, куда я в детстве приезжала на велосипеде и наблюдала за жизнью лягушек. Теперь же на месте амбаров стояло огромное трехэтажное здание с темной крышей, ставок куда-то исчез, а чуть дальше, там, где за высокими деревьями некогда прятались жилые дома, нас встречали небольшие магазины, киоски, автобусная остановка и (бог мой!) огромная афиша «Прокат квадроциклов»!

Над въездом в село, что я с трудом узнавала, возвышалась огромная деревянная арка с надписью «Столичное». Я смотрела, как семейная пара делала фото, стоя под ней, как отдыхающие в разноцветных шляпках толпились на остановке, ожидая свой транспорт. С непривычной для меня паникой, я начала искать глазами хотя бы какую-нибудь деталь во всем этом новшестве, что связала бы меня с прошлым. С тем прошлым, о котором я помнила все эти восемь лет.

Мы свернули направо. Это была моя улица, где я с раннего детства гуляла с местными ребятами и разбивала коленки. Жилые дома с потрескавшейся штукатуркой, железные заборы, выцветшие от солнца, бегающие туда-сюда коты и собаки... Ничего. Прошное стремительно ускользало от меня, точно песок сквозь пальцы. Все, что я видела вокруг – шикарные дома. Нет, пожалуй, это действительно были настоящие виллы с зелеными лужайками, цветочными кустами одинаковой формы, бассейнами и невероятно огромными домами.

Нет, пожалуй, особняками. Один краше другого.

– Двадцать пятый дом, верно?

Я судорожно кивнула и промычала что-то странное. Глядя на эти современные постройки, мне с трудом удавалось припомнить жилище бабушки. Помню только темно-серую крышу и зелено-желтые пятна на старом шифере. Если ливень шел дольше двадцати минут, то потолок на веранде непременно начинал протекать и приходилось подставлять чашки и ведра.

– Погодите, так это *ваш* дом? – с явным недоверием и насмешкой спросил водитель. Он плавно притормозил у выцветшего зеленого забора, что сгорбился, точно старик с тросточкой. – Этот?!

Прочистив горло, я изобразила недовольный вид.

– Да, а в чем, собственно, дело?

Мужчина громко хмыкнул и повернулся ко мне:

– Думаю, скоро узнаете.

2

Людмила Ивановна, что присматривала за домом и всей прилегающей к нему территорией, встретила меня в летней кухне. Когда я тихонько постучала в старенькую кривую дверцу с треснувшим стеклом, женщина в ярко-сиреновом летнем халате, резко обернулась и расплылась в довольной улыбке. Раньше она жила напротив. Каждый вечер они с моей бабушкой садились на кривую лавочку и щелкали семечки, обсуждая последние новости. Теперь же, эта седоволосая старушка, что заметно прибавила в весе и обзавелась глубокими морщинами на загорелом лице, обитала на Нижней улице, где, по её словам, у нее началась совершенно другая жизнь.

– А мама твоя не приедет? – спросила она, проводя для меня скорую экскурсию по двору, точно я впервые приехала сюда. – Так, в саду у тебя смородинка, дерево инжира и черешня. Скоро будешь собирать. А у папы как дела? Ой, еще вот, гляди клубничка, но её совсем немного. Ты надолго?

– Мама навряд ли приедет, а у папы все хорошо. Буду здесь все лето.

– Это хорошо, что ты приехала. – Людмила Ивановна остановилась и погладила меня по предплечью. – Мне не так давно семьдесят лет стукнуло, тяжело стало на огороде порядки наводить, в доме чистоту поддерживать и, как ты уже заметила, двор зарос травой... Ты ведь знаешь, что полтора месяца назад мне сделали операцию и...

– Да, я в курсе. Надеюсь, идете на поправку?

– Стараюсь. Мне неудобно, что я передаю тебе двор в таком убогом состоянии. Ты сообщила о приезде так неожиданно, что я не успела все сделать. Только шкаф чаем и присыпкой забила, а в остальном...

– Огромное вам спасибо! – перебила я с доброй улыбкой. – Теперь у вас будет больше свободного времени, потому что я здесь. Не стоило беспокоиться о продуктах.

– Теперь я лишусь пяти тысяч в месяц, что ты отправляла мне столько лет, – улыбнулась она, проведя рукой по влажному лбу. – Значит, ты на все лето здесь...

– Угу. А чем вы цветы и деревья поливали? Шланг есть? Или все с ведра?

Людмила Ивановна уставилась в одну точку, а потом резко встрепенулась и буквально подбежала к крану, что прятался за углом дома.

– Да, вот шланг. Воду теперь редко отключают. Да и свет тоже.

– Это замечательно. Помню, как раньше по несколько часов сидели без...

– Сонечка, ты, кстати, не связывалась с тем юристом, о котором я говорила тебе? – перебила она меня, часто хлопая тяжелыми веками. – Он тут уже который год пытается выйти на тебя. Вы поговорили? Он хороший парень, всем без исключения в деревне помог с документами. Так, ты говорила с ним?

Я несколько опешила, но все же улыбнулась:

– Может, мы зайдем в дом? – За несколько минут, что мы провели на улице, солнце расплавило мою макушку. – Я бы что-нибудь холоденькое выпила, не хотите?

– Ты что! Мне бежать нужно. Я сегодня хочу сыр плавленый сделать, надо пойти молоко свежее забрать. Так, с юристом тем ты не созванивалась?

– Он сообщил, что на мой дом есть покупатель, а, поскольку, я не собиралась и не собираюсь его продавать, то нам и не о чем с ним разговаривать, – ответила я, пожав плечами. – Последний раз мы общались года полтора назад и я дала ясно понять, что мое решение не изменится. Пойдемте на кухню? Второе июня на календаре, а солнце адское.

– Постой... Значит, ты не будешь продавать дом?

– А почему вас это так удивляет? – улыбнулась я.

Женщина почесала нос, поджала тонкие губы и с заметной усмешкой огляделась:

– Здесь же все разваливается, Сонечка. Кстати, не вздумай лезть в подвал, там все на ниточках держится. По-хорошему, его бы засыпать и все. А дом снести. Он тоже еле-еле дышит.

Я демонстративно огляделась. Да, побелка на стенах выгорела и облупилась, дикий виноград, что сплетался над железной аркой во дворе, оброс и, кажется, немного увял, а в саду полным полно сорняков. Зато окна в доме пластиковые и дверь железная относительно новая. Конечно, придется поработать, чтобы вернуть жизнь этому дому, но я ничуть не против. Мне все равно нужно чем-то заниматься, чтобы не сойти с ума от больных воспоминаний.

– По-моему, здесь просто восхитительно, – несколько мечтательно произнесла я, глядя на огромные кусты дикой розы. Помню, как бабушка с особой осторожностью срезала распустившиеся цветы и украшала ими дом. – Побелю стены, скошу траву, займусь беседкой, а то гляди и обвалится под тяжестью отсохших веток и не будет тенька. Мы с бабушкой каждый месяц поднимались на стремянках и срезали ненужные ветки и листья. Меня осы постоянно кусали.

– Сонечка! – удивительно громко воскликнула Людмила Ивановна, как будто пыталась разбудить меня. Я вытаращила на нее глаза. – Да разве нужно все это, когда есть прекрасные условия для проживания? Ты была на нашей Нижней улице? Взамен этому, тебе предложат великолепный новый дом!

– Если вы не забыли, то я только минут двадцать назад приехала, – буркнула я, расставив ноги на ширине плеч. – У меня как-то времени не было для прогулок.

– Мы все продали свои участки и переехали в хорошие и теплые дома! Ничего не нужно белить, не нужно...

– А мне нужно, – с улыбкой перебила я. – И я этого очень хочу.

Мне это просто жизненно необходимо. Возможно, что именно так я смогу построить свою жизнь заново. Через побелку стен, мытье окон, ремонт забора... Когда дом начнет дышать, мое сердце излечится.

– Ты знаешь, кто здесь живет? – спросила она шепотом и оглянулась. – Москвичи. Интеллигенты!

Я чуть наклонилась к ней и так же тихо сказала:

– Рада за них.

– Сонечка, я ничего не говорю, но просто пойми сама, что этот дом портит всеобщую картину. Ну, ей-богу, гадкий утенок. Все так говорят!

Я насупилась. Сложила руки на груди и в оборонительной позе пристально уставилась на старушку, что несколько лет приглядывала за домом из моего детства. Мне обидно слышать такие слова от женщины, что жила напротив и была подругой моей бабушки. Они бегали друг к дружке за солью и сахаром, угощали сладостями, помогали красить забор, копать картошку. А теперь она делала вид, что прошлое её совершенно не волновало и все, что когда-то было здесь, на нашей родной улице, ничего для нее не значило.

– Люди здесь очень хорошие. Живут в достатке, даже в роскоши, я скажу! Как думаешь, приятно твоим соседям глядеть на эту свалку?

– Да уж, настолько хорошие, что позволяют себе говорить гадости о моем доме. Заметно. Людмила Ивановна, этот дом – не свалка. Очень прошу вас, не говорите больше ничего подобного. Вы, между прочим, жили вон там, – кивнула я прямо, – напротив.

– Слава тебе Господи, что я переехала! Если бы ты только видела, какой теперь у меня домик. Я так счастлива, Соня!

– Рада за вас. Как-нибудь заскачу в гости, – сухо добавила я и развернулась на пятках. – Спасибо за помощь, Людмила Ивановна. Теперь я как-нибудь сама.

* * *

Что же мы в итоге имели: одноэтажный дом с тремя спальнями и просторной летней кухней, сад с цветущими деревьями, перекосившийся туалет на улице и заросший сорняками огород. Хотя, если честно, то все, чем был окружен дом – зеленая и густая трава по колено. А в некоторых местах она доставала практически до окон! Думаю, что с началом весны газонокосилка к моему двору и не приближалась.

Тяжело вздохнув, я взглянула на соседский кирпичный забор, что прятал за собой роскошное жилище с темной крышей. Слова Людмилы Ивановны не желали покидать мою голову, поэтому, всякий раз, когда я невольно глядела на соседские дома, меня настигало то давно позабытое чувство несправедливости с щепоткой детской обиды. Нет, я нисколько не завидую этим людям, что живут, как сказала Людмила Ивановна, в роскоши. Мне просто обидно, что мой дом считали гадким утенком, потому что он не такой помпезный, черт возьми.

Прикидывая в уме, сколько всего нужно сделать по хозяйству, я осторожно пробиралась сквозь заросли во дворе и остановилась у своих выцветших и скосившихся ворот. По дороге пронесся черный сверкающий седан с грохочущей музыкой, а у соседей напротив автоматически открылись решетчатые ворота. На дорогу не спеша вышла худенькая девушка лет шестнадцати, в коротких джинсовых шортах, что едва-едва скрывали ягодички, и в красной майке с пайетками. Тряхнув копной выющихся золотых волос, она сложила руки на груди и лениво наблюдала за тем, как из двора медленно выезжал белый внедорожник. Когда машина остановилась у кирпичных клумб с цветами, девушка взялась за ручку задней двери и вдруг взглянула на меня.

Раньше здесь было принято здороваться с каждым, и пускай вы друг друга знать не знаете. Слепо последовав правилам прошлого, я подняла правую ладонь и громко с улыбкой поздоровалась:

– Привет!

Незнакомка вскинула бровь и демонстративно закатила глаза. Не сказав ничего в ответ, она села в машину, заставив мои щеки пылать. Я почувствовала себя идиоткой, у которой не вышло завести новых друзей.

В груди неприятно кольнуло. Решив списать эту мелкую грубость на юный возраст, я поджала губы и отправилась в дом.

В кухонному шкафу, где раньше бабушка хранила банки с присыпкой, я нашла открытую упаковку черного чая. Уже как десять месяцев «Индийский рассвет» потерял свой срок годности, так что, оставалось только догадываться, в каком именно году Людмила Ивановна покупала рис, гречку и манку.

Мой ужин – суп с лапшой быстрого приготовления, который я привезла с собой. Пока кипятился электрический чайник, что нашелся в одном из шкафов летней кухни, я обошла двор и с подозрением оглядела деревянный душ с огромной щелью. В детстве я не любила заходить туда первой, ведь стоило открыть дверь, как тут же несколько пауков теребили лапками в своей огромной паутине. Представив, сколько внутри поселилось насекомых за прошедшие годы, я решила вообще не прикасаться к кривой дверце, иначе своим криком могла поднять на уши все село. А здесь, (на секундочку!), теперь интеллигенты живут. Что вы, что вы.

Пока я ела, наблюдая, как вечер плавно перетекал в непроглядную ночь, кастрюля с водой закипела. Мне повезло, что в доме была какая-никакая, а ванная (потрескавшаяся, местами с ржавыми пятнами), хотя бы не придется воевать с множеством насекомых в летнем душе, чтобы помыться.

Разбавляя кипяток холодной водой в широком бледно-синем тазике, мною овладела добрая грусть по тем временам, когда все проблемы переставали существовать, стоило только поделиться ими с моей веселой бабушкой.

«Пауки в душе? – Веник в помощь!»

«Сороконожка возле дивана? – Неси тапок, главное обои не испачкать!»

Так или иначе, но все мои детские страхи были связаны с вездесущими насекомыми, которых я и по сей день побаивалась. Поэтому, перед тем, как выключить свет в спальне, я несколько раз оглядела стены и бардовый ковер. Всегда так делала. Только теперь, если замечу кого-нибудь мерзкого, бабушка меня, к сожалению, не спасет.

3

На следующее утро я с криками выбежала во двор, чудом не свалившись в траву. Скакала на месте, точно ошпаренная. Волосы щекотали руки и шею, а мне казалось, что армия злостных насекомых расползется по моему телу.

– Эй?

Первое, что я увидела, открыв глаза – огромную сороконожку на стене, рядом с моей онемевшей рукой. Эти длинные лапки, шевелящиеся усики и вытянутое тельце с какими-то темными вкраплениями – чертовски ужасное зрелище. Я подскочила с дивана так быстро, что без труда могла бы стать героиней какого-нибудь рекламного ролика про батарейки, а моя онемевшая рука, тяжелым грузом болталась в воздухе.

– Эй?!

Лохматая, напуганная, в зеленой пижаме с короткими шортами на слабой резинке, я резко замерла и медленно огляделась, точно сейчас откуда не возьмись, мог появиться какой-нибудь аллигатор, которых никогда не бывало в этих краях. Но ведь в этой густой траве могли жить ядовитые змеи! В полях их очень много.

– Кошмарик приснился?

Я снова огляделась и заметила слабое движение у соседского кирпичного забора. А точнее – над ним. Закрыв ладонью яркое солнце и пытаюсь разглядеть незнакомца, что с ленивой улыбкой глазел на мои ноги, я вдруг вспомнила о легком домашнем халате, который в панике позабыла набросить на плечи. Парень подпер рукой подбородок, поросший щетиной, и тихонько цокнул, как будто насмехался надо мной.

– Ты кто такая?

Будь я темнокожей женщиной с большой грудью, упругой попой и пышными бедрами, сделала бы то самое движение, когда указательный палец выставляется вперед, а тело, точно маятник, плавно покачивается. При этом на лице появилось бы такое яркое выражение, мол, *«Опа-опа, что за наезд, чувак? Ты в курсе, на кого напал?»*

Но я лишь недовольно нахмурилась, оборонительно сложив руки на груди. Пожалуй, это и есть тот максимум, на которое только способно мое *недовольство*.

– А ты кто такой?

Парень широко зевнул, несколько раз моргнул и оглядел меня с такой вселенской ленью, как будто я маленькая букашка, которую нужно прихлопнуть, но при этом совсем не хочется мारаться.

– Я здесь живу. А ты разбудила меня своим писклявым криком. В следующий раз, когда захочется поорать, будь добра, на несколько тонов ниже, пожалуйста, – нарочито слащавым голосом выделил он последнее слово.

– Я вообще-то тоже здесь живу. Хочу ору, хочу не ору – мое дело. Я на своей территории. Интеллигент. Ага, как же.

Почесав затылок, парень бросил на мой дом скептический взгляд:

– Значит, вот кому принадлежит эта рухлядь? Уау! Надо же! Так это ты устраивала в своих руинах платные квесты для туристов? Какая тема будет в этом году? Много на них заработала?

– ...Что? Какие квесты?

– Не знаешь, что это такое? Ты откуда взялась вообще? – усмехнулся он, покачав головой. – Двадцать первый век на дворе.

– Я в курсе, что это такое! И я здесь живу, это мой дом!

– Мм. Ладно, мне пофигу. Просто не ори по утрам. У меня голова раскалывается.

– А ты не указывай, что мне делать, – огрызнулась я. – Это мой двор.

– Бог мой, до чего же приятное утро, – с издевкой протянул незнакомец, закатив глаза. Остановив на мне оценивающий взгляд, он снова почесал затылок и скрылся за забором.

Несколько секунд я стояла на месте, ожидая, что его голова вновь появится. Громко вздохнув, я снова оглядела заросший двор, и в тысячный раз заверила себя, что все будет хорошо. Избавлюсь от травы, побелю стены дома, приведу в порядок сад.

Все наладится, нужно лишь время.

* * *

Как того и следовало ожидать, мое появление в селе не осталось незамеченным. Интересно, голливудские звезды чувствовали тоже самое, что и я, когда незнакомые люди обращали на них внимание? Как будто голая по проспекту шла, ей-богу! Даже находясь в собственном дворе, мне казалось, что «новые соседи» следили за мной, прячась за своими высоченными заборами. Зачем так баррикадироваться?

Кажется, я уже говорила об этом, но все равно повторяюсь, поскольку уж сильно меня это задело: раньше здесь было принято здороваться с каждым. Идешь в магазин за хлебом, видишь человека и тут же выдаешь друг другу: «Здрасьте», или «Доброе утро». А теперь же все просто тарасились друг на друга как на диких обезьянок в зоопарке. Ну, на меня уж точно.

Обезьянок...

Почему я подумала именно об этих уродливых существах? Ненавижу обезьян. Черта с два человек произошел от них!

Пока шла по улице в центр, с легкой тревогой ловила на себе оценивающие взгляды и никто из новых жителей не решался даже кивнуть мне в знак приветствия. Дичь какая!

Все вокруг стало похоже на какой-нибудь заграничный курорт. Ровные дороги, вдоль них высокие деревья и идеально ровные кусты с цветами. Перед каждым забором расстился зеленый густой ковер коротко-стриженной травы, а на ней красовались декоративные фигурки гномов, собачек, лисичек и кошечек.

Где же настоящие курицы и гуси? Где охраняющие свою территорию собаки и вечно голодные коты? Господи, да где же коровьи лепешки на дороге? Пожалуй, причина моего глубочайшего разочарования крылась в абсолютной несопоставимости детских ожиданий с реальной действительностью. Разве можно теперь считать «Столичное» – селом?

Когда проходила мимо большого кремowego дома с красной крышей, я с тоской вспоминала, что раньше здесь был продуктовый магазинчик, где я покупала всякие сладости и сок в мягкой упаковке. Апельсиновый был самый вкусный. Новые хозяева соединили, кажется, три участка в один и построили огромного размера виллу с невероятно длинным овальным бассейном.

Ох, вот бы окунуться сейчас в прохладную воду. Сегодня обязательно схожу на море, но только после обеда, когда беспощадное солнце ослабит свою силу. Бабушка любила гулять по берегу и приучила к этому меня. Вообще-то, я не особая любительница пеших прогулок, но по вечернему пляжу готова бродить бесконечно. Это вам не то, что по городу шагать и вдыхать автомобильные пары. В самое худшее для меня лето, когда я породнилась с собственным одиночеством, мне несколько раз удавалось незаметно улизнуть из дома, прихватив с собой плотное покрывало. Я бежала на пляж, расстилала ткань и могла бесконечно глядеть на падающие звезды. Было в этом что-то завораживающее и волшебное. Тогда я чувствовала себя самой счастливой, даже несмотря на то, что у меня больше не было друзей, с которыми я могла бы делить эти сказочные моменты. Мне и самой было хорошо.

Когда я уже подходила к тому самому центральному магазину, где раньше и собирались пожилые сплетницы, чуть не упала в обморок. Бледные стены некогда полуразрушенного здания теперь были спрятаны за бледно-желтыми панелями, имитирующими камень, а старый

шифер на крыше сменился на темно-зеленую металлочерепицу. Справа появился длинный навес, под ним сидели местные бабульки и продавали фрукты и овощи, а ближе к проезжей части расположился ярко-зеленый ларек с прохладительными напитками. Около него была длинная очередь отдыхающих в панамках.

Куда я попала?!

Поправив солнцезащитные очки на переносице, я уверенно шла вперед, мимо такого же отремонтированного здания, где раньше находилась почта, администрация и нотариус. К сожалению, моей уверенности хватило ненадолго, ведь приближаясь к рынку, незнакомые мне люди все явственнее поглядывали в мою сторону. На мне что, был костюм Шрека? Чего они так таращились?

И я была настолько увлечена разглядыванию чужих лиц, что даже не слышала, как позади меня крался мурлыкающий автомобиль. Водитель нагло нажал на гудок, и мои уши пронзил оглушительный звук, заставив громко закричать и подпрыгнуть от испуга.

Мое лицо покраснело не то от злости, не то от стыда, ведь даже местные бабульки весело надо мной хихикали. Я уже молчу о тех, кто стоял в очереди за напитками. Так и видела, как они ехидно перешептывались и сожалели, что не смогли заснять происходящее на камеру. Черный седан, что пронесся вчера по дороге, коварно проползал мимо меня. Сквозь открытые окна раздавалась зажигательная музыка и оглушающий смех девушек.

Нет, пожалуй именно *сейчас* я была чертовски зла, ведь насмешливый оскал водителя в непроницаемо черных очках заставил почувствовать лишь бушующий огонь в теле. А еще, меня вдруг охватило то самое дежавю. Я повнимательнее пригляделась к идиоту за рулем и моментально насупилась, узнав в нем того говнюка-соседа, которому я помешала спать.

– Идиот, – буркнула я, скрипя зубами.

Да я бы еще что-нибудь эдакое сказала этому кретину, да уже глядела на багажник сверкающего «Мерседеса». В открытом люке появилась фигуристая девушка в белом бикини и крикнула что-то нечленораздельное. А бабульки... Бог мой! Морщинистые сплетницы, глядя на полуголую девчонку, лишь веселились, мол, *поглядите, какая фигурка-то у молоденькой проказницы!*

Мимо рынка я прошла быстро. Можно сказать, пробежала. Изучающе-насмешливые взгляды старушек, местных «новых» жителей и отдыхающих ощущала кожей.

В магазине теперь было самообслуживание. Я схватила тележку, достала список из заднего кармана джинсовых шорт и не спеша стала обходить длинные ряды. Когда остановилась в отделе молочной продукции, заметила рядом невысокого парня с маленькими синими глазками, но длинными пушистыми ресницами. Он с интересом глядел на меня и уголки его губ заметно подергивались. Я несколько долгих секунд хлопала глазами, с трудом сдерживая в себе детскую радость.

– ...Илюша? – Моя неуверенность была фальшивой, поскольку я точно знала, кто именно передо мной.

– Сонька! – Переминаясь с ноги на ногу, мы все же обнялись, и я почувствовала запах домашней выпечки и кофе. Знал бы Илюша, как я рада была встретить его. – Как ты? Когда приехала?

– Вчера в обед.

– С мамой?

– Нет, одна. Ты так изменился...

Илюша Шапочка – друг моего детства. Он жил с бабушкой и мамой через три дома от нас, где теперь в своих хоромах обитала московская интеллигенция.

– Сделал тату? – с улыбкой спросила я, обратив внимание на его плечо с цветным рисунком ананаса. – Что означает?

– Это на спор, – отмахнулся он. – Был выбор между ним и клубникой. Так, ты ты надолго приехала?

– Мм... На все лето точно.

А может и навсегда.

– Здорово! Это чертовски круто! Ты здесь давненько не была, да? Я живу на Нижней улице, приходи завтра к нам на ужин. Поговорим хоть, а то столько лет не виделись! Сейчас в город еду по делам, надо торопиться. Мама очень обрадуется твоему приезду.

– Хорошо, обязательно приду.

Сообщив мне номер дома, Илюша поспешил к выходу, а я стала предаваться счастливым воспоминаниям о нашей дружбе до тех пор, пока в мое бедро не уперлась чья-то тележка.

– Милочка, долго стоять-то на месте будем?

На бабушке была розовая косынка, летний халат с яркими фиолетовыми цветами и голубые шлепанцы. Её прозрачные глаза укоризненно глядели на меня, а тонкие губы подергивались злобой, словно она изо всех сил старалась сдержать в себе неприличное словечко.

Молча я отошла в сторону, но при этом не отводила от нее взгляд. Неприятная особа с навязчивым запахом чайной розы. Небось, весь флакон на себя вылила.

Через пару секунд к ней подошла другая бабулька: высокая, но худенькая, в белой косынке, свободной бардовой юбке и сливочного цвета блузке с рукавами-фонариками. Она мило и несколько слащаво улыбнулась мне, поставила на пол небольшую плетеную корзину с овощами и сцепила морщинистые руки в замок.

– Здравствуйте, – поздоровалась она, с интересом разглядывая мой внешний вид. – Вы проездом у нас?

От её сахарной улыбочки так и веяло затаенной хитростью.

– День добрый. Нет, не проездом.

Взяв с полки двадцатипроцентные сливки, маленькую упаковку сметаны и сливочное масло, я бросила все в свою тележку.

– А ведь домашнее полезнее и вкуснее, – сказала бабуля-улыбака. Она схватила с полки литровую банку сметаны без этикетки и протянула мне. – Лучше возьмите вот это. Свежее.

– Извините, но я не люблю домашнее молоко, сметану, творог, брынзу и прочее. Спасибо за помощь.

– Вот нахалка, ей как лучше хотят, а она еще упрямится! – тут же прокомментировала бабулька в розовой косынке. Казалось, будто ей невтерпёж треснуть меня или обозвать самыми грязными словами. – Вот так невоспитанность!

Ухватившись за свою тележку, я намеревалась как можно скорее покинуть магазин, но бабуля-улыбака снова обратилась ко мне:

– А вы чья?

– То есть? – Я с подозрением покосилась на нее. День не задался с самого утра.

– Ну, кто ваши родственники? Не припомню, что к кому-то гости должны были приехать, – улыбнулась она своей подружке, что продолжала пялиться на меня как на исчадие ада. – У нас такие новости быстро разлетаются.

– Моя бабушка жила здесь. Она умерла несколько лет назад. А я приехала *домой*. Извините, но мне нужно идти.

На сей раз у меня получилось сбежать от них. Пока шла по длинному ряду, наспех хватая банки с гарнионами и фасолью, я чувствовала затылком их взгляды и машинально скрещивала пальцы на руках, чтобы меня не сглазили. До сих пор в это верила. А еще в булавку от сглаза, спрятанную под одеждой.

Свернув налево, я бросила в тележку упаковку спагетти и подошла к стеллажу с приправами. Выбрала универсальную для супов. Но как только развернулась, с ужасом обнаружила у

своей забитой продуктами тележке этих двух бабулек. Они с наглым интересом разглядывали мои покупки, то и дело вертя головами, чтобы получше что-то там разглядеть.

– Извините? А что вы делаете?

– Ох! – хихикнула бабуля-улыбака, поправив косынку. – Ни разу не видели, чтобы столько всего набирали здесь. А у вас тут банки с краской, они для чего вам?

Я нахмурилась, выдерживая на себе взгляд её недовольной подружки, и, не глядя, бросила в тележку пакетик с приправой. Хуже обозленной на весь мир старухи и быть не могло. Черт его знает, что у такой в голове. Может она ночами колдовала и приносила в жертву кроликов.

– Чтобы красить, – ответила я одними губами.

– А *что* вы собрались красить?

– Это мое дело.

– И известь взяли! – с упреком бросила вторая бабка. Клянусь богом, её бы на части разорвало, если бы она продолжала молчать. – Что белить собрались? Стены? Потолок?

Одной рукой я развернула тележку и крепко ухватилась за ручку:

– С чего вдруг такой повышенный интерес к моим покупкам и к моему дому? Вы уж извините, но свою невоспитанность в данную минуту демонстрируете именно вы.

– Да откуда грубиянки такие берутся?! – рявкнула бабка в косынке. – Ни капли уважения к старшим!

– Слушайте, я вас знать не знаю, бабуля. Идите, куда шли, а в мою сторону даже не смотрите.

– Собралась ту развалину чинить? – бросила она и по-хозяйски поставила руки в боки. – Какой смысл? Избавься от нее и дело с концом! Вздумалось ей ерундой заниматься!

С непониманием я несколько раз оглядела её с головы до ног, пытаюсь осмыслить услышанное, как бабуля-улыбака по-дружески положила морщинистую ручонку на её плечо и взглянула на меня все тем же фальшиво-доброжелательным взглядом:

– Вы уж извините нас, просто мы знаем откуда вы. Нам бы поговорить с вами за чашечкой чая.

– А зачем же спросили, чья я, если и так все знаете?

– Глупые бабульки мы уже, – усмехнулась она. – Не знаем, как разговор начать, смущаемся.

– Я спешу. Извините.

Дурдом какой-то. Я молча толкнула тележку вперед, схватила булку хлеба и поспешила к кассе. Впереди пять человек; кассирша – сонная муха с загорелым лицом и ярко-фиолетовой помадой, как будто назло все делала очень медленно.

– Вы не будете против, если я загляну к вам на чаек?

Я даже подскочила на месте, когда противный слащавый голос настиг меня вновь. По правде говоря, эта необъяснимая для меня навязчивость до мурашек пугала.

– Извините, но я пока не готова принимать гостей, – сдержанно ответила я, стараясь не привлекать к себе внимание других людей. Хорошо, что по радио играла зажигательная песня, иначе искрящееся напряжение в моих словах точно бы услышали.

– Послушайте, мы лишь хотим помочь вам. Ваша бабушка отказывалась продавать дом, хотя предложение было слишком заманчивым. Но это все объяснимо: Валентина слегка потеряла здравый ум после развода ваших родителей.

– ... Что вы сейчас сказали? – одними губами спросила я. – Повторите? Про мою бабушку.

Я впилась в нее огненным взглядом и с силой сжала ручку на тележке. Да что эта наглая старушенция себе позволяла?! Да, бабушка переживала развод моих родителей сильнее, чем кто-либо другой. По крайней мере, мне так казалось. Но это совсем не значило, что у нее поехала крыша! Откуда взялись эти грязные сплетни о её нездоровом уме?

– Ох, милая, я не хотела обидеть вас...

– Скажу лишь один раз, больше повторять не буду. Закройте свой грязный рот! Я могу высказаться куда более грубо, но боюсь вы ни черта поймете. Поверьте, каждое слово будет настолько мерзким и грязным, что ваша фальшивая улыбочка мигом сползет с бархатного личика, а сверкающие глазки вылезут из орбит. Не трогайте меня! Не говорите со мной! И не приближайтесь к *моему дому*. Уяснили?

Женщина долго смотрела на меня, а её подруга недовольно цокала за спиной. Никогда прежде я не позволяла себе разговаривать в таком грубом тоне с пожилыми людьми, но эти две – исключение. Они как будто целенаправленно выводили меня из себя. Пронырливые и бестактные! Будь я их возраста, то набросилась бы с кулаками, ей-богу! Сказать, что моя бабушка потеряла здравый ум, то есть – стала сумасшедшей?! Да я едва сдерживалась, чтобы не разорвать их голыми руками.

– Девушка, проходите!

Я обернулась на женский голос и подошла к уже пустой кассе. Начала выкладывать все из тележки, ощущая сбоку недовольный взгляд бабулек. Я совершенно не понимала, какого черта они говорили о моем доме и бабушке с таким пренебрежением, почему их интересовали мои покупки и по какой такой причине эта мегера продолжала тарашиться на меня, чуть ли не демонстрируя опасный оскал? Единственный человек, который возможно мог ответить на эти вопросы – мой давний друг Илюша Шапочка. Завтра-то я все узнаю. Здесь явно творилась какая-то чертовщина.

– Как дела, Лидия Петровна? – поинтересовалась кассирша, пробивая продукты.

Бабуля-улыбака осторожно обошла меня и ответила ей все тем же сахарным голоском, мол все в полном порядке, несмотря на возникшую *проблемку*. Обозленная подруга шла следом и нарочно задела меня костлявым плечом. Изо всех сил я старалась сдержать эдакое грубое слово, что так и норовило вырваться наружу. Закусила губу, выкладывая продукты на ленту, и словила на себе мимолетный, но озадаченный взгляд кассирши. Она как будто знала, что в моих мыслях я выворачивала упаковку сметаны на голову ехидной старушенции, а сверху посыпала молотым черным перцем.

«И снова с вами «НаслаждАйс», дорогие друзья! Настала минутка быстрых новостей, поэтому сделайте звук приемника громче, мы начинае-е-ем!»

Попрощавшись с местными грубиянками, кассирша пробила маленькую упаковку муки через сканирующее устройство и несколько раз нажала кнопку «+» на узком приемнике с длинной антенной. Выложив все продукты, я перешла на другой конец ленты и начала складывать все в пакеты.

«В клубе «Остров» полным ходом идет подготовка к открытию сезона! Уже в эту субботу мы зажжем на самой офигительной вечеринке этого лета. Напоминаю, танцевальная площадка значительно увеличилась в размерах, появился еще один бар и... ТА-ДА-ДА-ДАМ! Одно из самых сумасшедших нововведений – несколько стеклянных стендов для дерзких танцев обволакивающих девушек. Любая может занять свое место, нужно лишь оставить заявку у администратора!»

– Хм, интересненько, – задумчиво прокомментировала кассирша.

«Что еще? Ах, да! Вчера на пляже открылась веранда с вкуснейшими сосисками-гриль, стейками и хот-догами! Не упустите возможность отведать вкуснятину! И это не реклама, это факт, мазафака!»

Последние слова кассирша с довольной улыбкой проговорила вместе с диктором, отчего я в ступоре пялилась то на нее, то на приемник.

«О, да! И последняя новость к этому часу: гадкий утенок, наконец, нашел свою хозяйку! Аллилуйя, друзья! Возможно, что в скором времени «Столичное» действительно станет самым идеальным местом на Земле! Да избавимся же от жалкого остатка *прошлого*!»

– Да неужели? – ахнула кассирша, округлив глаза. Убавила звук на приемнике и пробубнила себе под нос: – Надо Светке позвонить, она должна быть в курсе. С вас тысяча восемьсот пятьдесят девять рублей. Буду благодарна, если дадите без сдачи.

Улыбнувшись, женщина поспешно достала сотовый из кармана на фартуке и принялась печатать смс-ку. А я же, наблюдая за её ярко выраженной нетерпимостью поскорее обсудить грязную новость с подружкой, с ужасом понимала, что все знаки, посылаемые вчера судьбой, все-таки намекали о грандиозном провале зажить новой, тихой и спокойной жизнью.

4

Мне с трудом удалось донести тяжелые пакеты до дома. Рухнув в старое кресло, что стояло в летней кухне и пахло древностью, я провела дрожащей рукой по мокрому от пота лбу. Жара на улице была нестерпимой, отчаянно хотелось окунуться в прохладное море, нырнуть на самую глубину, где вода была значительно холоднее. Но еще больше мне хотелось утопить в нем всех, кто смаковал грязные сплетни о моей бабушке и этом доме.

И их создателей.

И тех бабулек в магазине.

И какую-то Светку, которой кассирша писала смс-ку.

Таксист оказался прав: село, которое я знала, больше не существовало. Не удивлюсь, если местные бабульки обзавелись смартфонами последней модели, знали что такое «Фейс тайм», «Инстаграм» и следили за светской жизнью каких-нибудь знаменитостей. Дичь какая.

Испортила ли мне настроение новость по радио? А то!

Я желала выяснить, где обитала эта чертова студия и собственноручно разнести её в пух и прах. Мало того, что бывшая соседка моей бабушки назвала дом «гадким утенком» среди чертовых шикарных вилл – это терпимо. Обидно, конечно, но терпимо. Однако, это вовсе не значит, что можно говорить о нем и мне всякие гадости на все Азовское побережье!

На все АЗОВСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ!

Кому вообще пришло в голову «избавляться от остатков прошлого»? Как будто дом, в котором я провела лучшие годы своего детства, сравнили с заплесневелым куском недоеденного хлеба, что валялся под столом целую вечность и был отвратителен даже для изголодавшейся собаки.

Разгрузив пакеты, я решила найти приемник, чтобы быть в курсе *чертовых-местных-новостей*. Просмотрела каждый шкаф, подняла диваны, опустошила две тумбы в спальне бабушки, но приемника так и не нашла. Стараясь обуздать расплзающуюся злость и отчаяние, я заметила связку ключей, висящую на гвозде рядом с дверью ванной комнаты.

Сарай! В нем всегда хранилось всякое барахло.

Схватив ключи, я с детским восторгом выбежала на задний двор, где располагался сарай, летний душ, тот самый скосившийся туалет, а чуть дальше – огромный огород. Пока бежала, чуть ли не вприпрыжку, успела зацепиться ногой за тонкую проволоку, прятанную в густой траве. Чудом не свалилась. А даже, если бы свалилась и поранила ногу, все равно продолжила бы поиски этого чертового приемника, потому что мне просто необходимо быть в курсе местных новостей.

На деревянной двери с облупившейся бледно-синей краской висел большой ржавый замок. С пятой попытки мне удалось найти нужный ключ. В детстве я не любила заходить сюда, поскольку одна тусклая лампочка не могла разогнать вечный мрак и мои собственные страхи, но бабушка частенько посылала меня в подвал за закаткой и бутылками воды. Мне казалось, что все мыши и жабы, прятаясь в темных и холодных углах, поджидали меня на закуску.

Когда я распахнула скрипучую дверь, в нос ударил неприятный сырой запах. И снова мое воображение взяло верх над здравым смыслом: наверняка, по ночам здесь бегали мыши, плели паутину коварные пауки, а мерзкие жабы скакали по дряхлым деревянным ступеням, ведущим в холодный подвал.

Включив фонарик на телефоне, я с опаской оглядела сарай. Серый камень раскрошился, кругом трещины и дыры в стенах. В них, наверняка, счастливо поживала какая-нибудь живность. Деревянные полки просели под тяжестью железных коробок с инструментами, банками с гвоздями и болтиками, старыми кастрюлями, покрывшимися огромным слоем пыли, и ведрами. В углу лежал старый полосатый матрас, стоял скосившийся стол, а на нем покоилась

деревянная коробка, в которой бабушка хранила старые фотографии. Веники, тряпки, бутылочки с жидкостью для розжига, старый маленький холодильник, сломанный стул, провода... Я с особой осторожностью прошла вперед, слыша опасный треск досок под ногами, и заглянула в темный подвал. Сыро, мерзко и страшно. Прямо, как в детстве.

– Ау? Есть кто дома?

Испугавшись чужого голоса за спиной, я резко дернула головой и не хило стукнулась затылком о висящий серо-синий пакет, с которого тут же слетели лохмотья пыли и паутины. Чертыхаясь, я чуть ли не выползла на улицу вслепую, тут же ощутив на плечах горячие лучи обеденного солнца.

– С вами все в порядке? Извините, я, должно быть, застал вас врасплох.

Недоверчиво оглядев высокого молодого мужчину в белой футболке и клетчатых шортах, я прочистила горло. На его голове красовались темные очки в глянцевой оправе, а в руках он держал прозрачную зеленую папку.

– Вы кто?

– Олег Дмитриев. Помните меня? Мы с вами общались как-то... По телефону. Юрист.

– Мм... Так это вы все называли мне без остановки. – Недовольно буркнув, я зашла в летнюю кухню. Здесь было не так жарко, как на улице, но все равно я включила старый вентилятор. Мужчина последовал за мной, но остановился в дверях, ожидая, по-видимому, приглашения. – Заходите уже. Без приглашения зашли в мой двор, а сюда прямо стесняетесь.

– Вообще-то, я кричал, но вы не отзывались. Просто, я знал, что вы дома, так что...

– Я могла уйти на пляж.

– В такое пекло навряд ли.

Я выдавила на ладонь несколько капель жидкого мыла, тщательно помыла руки холодной водой, а когда обернулась, обнаружила незваного гостя за столом. Мужчина внимательно оглядывал просторное помещение и, казалось, будто он уже мысленно рисовал дизайн новой кухни; его скептический взгляд останавливался на гудящем вентиляторе, потом медленно опустился на пол с трещинами и замер на грязном окне. Не будь мое настроение таким паршивым, я бы повнимательнее присмотрелась к этому парню, отметила бы про себя плюсы и минусы его внешности. Но, по правде говоря, мне глубоко наплевать, красив он или нет, умен или глуп. Главное, поскорее выставить его за ворота и найти этот чертов приемник!

– Все рассмотрели? – поинтересовалась я, оборонительно сложив руки на груди. Как там его зовут? Олег? Ох, знал бы ты, *Олег*, как я ненавижу твое имя.

Мужчина округлил глаза и заерзал на стуле:

– Извините.

– Что вам нужно?

– Я принес вам оригиналы бумаг. Здесь свидетельство на землю и дом.

– Откуда они у вас? – нахмурилась я, забирая протянутую мне папку. – Моим наследством занимался другой юрист. – Вспомнить бы только его имя.

– Михаил Игнатьевич теперь живет в городе. А я являюсь здешним нотариусом. Он говорил, что предупредил вас обо мне. К тому же, я звонил вам как-то и сообщил, что все документы на переоформление готовы и ждут вас в моем офисе. Вы тогда, не в настроении были, кажется. Я вам отправлял электронное письмо.

Все возможно. Я почти не проверяла уже несколько месяцев, а там, наверняка, творилась такая же разруха, что и в сарае, где я только что побывала. К тому же, всеми формальностями занималась моя мама, а у меня тогда мозги не тем заняты были, к сожалению.

– С трудом припоминаю... Спасибо, что занесли. Вообще-то, я была уверена, что все бумаги у моей мамы... – Меня охватила неловкость. Я предложила что-нибудь выпить и мой гость вежливо попросил стакан холодной воды. Почувствовав себя настоящей грубиянкой, что слишком враждебно отнеслась к внезапному появлению незнакомца, я все же позволила себе

рассмотреть мужчину повнимательнее. На вид ему было не больше тридцати, на безымянном пальце отсутствовало обручальное кольцо, а на запястье болтался плетеный черный браслет и темные часы с огромным циферблатом. Да, пожалуй, этот Олег вполне себе приятный парень. Только вот имя его раздражало меня не на шутку. Как и браслет, что был очень похож на *тот самый*. – Значит, теперь вы местный нотариус, – сказала я просто для того, чтобы нарушить тишину.

– Да. Мой офис в административном здании, там два приемных кабинета.

Поставив перед ним стакан с холодной водой, я села напротив:

– Мм. Понятно.

– Извините, что я так неожиданно заявился к вам. Новости тут быстро разносятся.

– Это я заметила.

– А вы в отпуск приехали? – поинтересовался он, остановив взгляд на трещине в полу. Я наблюдала за паршивой демонстрацией того, как он пил холодную воду. Содержимое стакана не уменьшалось, зато лживые глаза как будто говорили мне: «Очень вкусная вода, в жизни такой не пил, спасибо!»

Моя правая нога начала выбивать нервный ритм, ведь становилось очевидно, что занести мне домой документы было лишь предлогом для встречи.

– Поживем – увидим.

– Свободная птица?

– Что-то типа того. – Мы фальшиво улыбнулись друг другу. Так велись светские беседы? – А вы такой молодой и живете в каком-то селе. Не скучно ли?

– Здесь никогда не бывает скучно. Городская жизнь нервно курит в сторонке.

– Ну да, с такой-то радиостанцией! – вырывалось у меня.

Олег слабо улыбнулся, снова поднес к губам стакан, но не пил.

– А чем вы конкретно занимаетесь?

– Верстальщик в модном журнале.

– И не привязаны к месту?

– Могу работать в любой точке планеты. Главное, чтобы компьютер был и интернет. – Я нарочно сощурилась и растянула губы (как мне казалось) в самой коварной улыбке. – Пытаюсь вычислить, как долго я пробуду здесь?

– Зачем же мне это?

Делано пожав плечами, я сложила руки на столе:

– Может вы в сговоре с местными бабульками, что пытались сегодня выяснить, для чего я купила краску и известь. Если это так, то передайте всем, кому это по-настоящему интересно, что красить я собралась полы в комнатах, а белить буду стены дома. Скошу траву, приведу в порядок сад. Кстати, видели, скоро можно будет инжир кушать? Вы любите инжир, Олег?

Мой издевательски-веселый тон заставил мужчину заметно напрячься. Олег заерзал на стуле, прочистил горло, а потом взглянул на меня с едва уловимой тенью забавы, что теперь, не могло не напрячь меня. Мы как будто в пинг-понг играли.

– Я не в сговоре с *бабулками*.

– Тогда, с кем? – тут же надела я, устав изображать улыбку. – Вы лучше скажите прямо, зачем пришли ко мне, а то у меня уже щеки болят изображать фальшивую вежливость.

С каких пор я стала такой резкой? Может, все дело в том, что мне осточертело чувствовать себя идиоткой, которую из-за природной доверчивости готовы нагло обманывать даже самые близкие люди? А что уж говорить о малознакомом типе, что вторгся в мое жилище под видом невинного паренька, которому непременно нужно чего-то добиться, а ложь – самое эффективное для этого оружие.

– Соня, – впервые он обратился ко мне по имени, которого я не называла. – Вы ведь видели, что теперь «Столичное» превратилось в райский остров. У людей появилась работа,

снова открылся клуб культуры и творчества, есть развлечения, отдых, кино, приезжает театр из Феодосии... Сюда переехали семьи из больших городов, дети ходят в отремонтированную школу, работает детский сад. Это уже не то се...

– Не то село, которое я знала, – перебила я, нервно стуча пальцами по столу. – Согласна. Что дальше?

– Условия жизни стали намного лучше.

– Поверьте, я очень этому рада.

– Каждый вторник приезжает мусоровоз и собирает черные пакеты у дворов.

– Надо будет запастись ими!

– Больше нет никаких ям и прицепов с отходами. С каждым годом туристов у нашего побережья становится все больше.

– И они наверняка в восторге от местной радиостанции, – продолжала язвить я.

– Здесь живут весьма *обеспеченные* люди.

– Трудно не заметить. Я видела бассейн размером с мой дом. Разве это не круто?

Мужчина сдержанно вздохнул и поджал губы, не сводя с меня изучающие глаза.

– Повторю свой вопрос еще раз: что вам от меня нужно?

– Ваш дом. Земля. Большой огород, через который можно спуститься к морю. Все эти двадцать пять соток, – без лишних слов ответил он и демонстративно огляделся. – И они нужны не мне лично, а одному моему клиенту.

– И зачем? Чтобы разрушить и построить один из тех бездушных особняков с бассейнами и лужайками, где будут жить заносчивые грубияны? Как, например, мой сосед, – хмыкнула я, указав взглядом за его спину. – Знаете, раньше здесь было принято здороваться с каждым, а теперь все только глаза закатывают и едва сдерживаются, чтобы не выставить средний палец. И я это не только о новых жителях говорю, меня чуть старушка сегодня не загрызла в магазине!

– Вообще-то, ничего не изменилось. Все вежливы друг с другом. Просто, ваш дом за последние несколько лет превратился в...

– Здесь что, устраивали квесты? – с нетерпением спросила я.

– ...Что?

– В моем доме устраивали квесты? – И тут я заметила мелькнувшее сожаление в его серых глазах. – Ничего себе! Вот же гадство!

– Соня, это лишний раз доказывает, что это место нуждается в...

– Это ничего не доказывает! – взорвалась я, подскочив со стула. Пожалуй, мне стоило вновь пропить курс успокоительных. – Лишь чей-то идиотизм не более. И не называйте мой дом *этим местом*! Здесь жила моя любимая бабушка, я приезжала к ней каждое лето и со слезами на глазах возвращалась домой. Этот дом дорог мне. По-настоящему дорог. Вы знаете, что это значит?

– Я все понимаю, Соня. И для вашей бабушки он тоже многое значил. Но прошу, поговорите с местными жителями. Посмотрите, в каких условиях они сейчас живут. Некоторым тоже было нелегко расстаться со своими домами, но теперь они действительно счастливы!

– Жить на Нижней улице?!

– Там чудесный район.

– Как будто отбросы какие-то! – фыркнула я. – А здесь, видите ли, элита живет!

– Жители сами выбирали название для своей улицы, – поспешил объяснить Олег. В его глазах я наверняка предстала неуравновешенной идиоткой, но мне, если честно, все равно.

– Судя по всему им предложили два варианта: Нижняя улица и Нижняя улица! – съехидничала я.

– Соня, вы сильно заблуждаетесь, поверьте. Вам предлагают шикарный дом с высокой доплатой. Зачем вам оставаться *здесь*?

– Потому что это *мой дом*. Моя улица. Мой огород. Мой сад. Мой сарай и двор. Мои двадцать пять соток, черт возьми! Передайте своему клиенту, что он ни за что не получит мой дом. Никогда.

5

За выдающуюся невнимательность мне можно смело вручить награду. К вечеру случайным образом я обнаружила приемник на холодильнике в летней кухне, и отчего-то в голове пронесся ехидный скрипучий смех тех бабулек из магазина. Минут пятнадцать искала эту чертову станцию, пока вода в маленькой кастрюле для вечерних процедур грелась на плите. На ужин я отварила вареники с картошкой, хотя особого аппетита они у меня не вызывали. Готовка стала для меня просто необходимым обязательством перед самой собой. После того, как местный юрист покинул *мои владения*, плохо скрывая свое глубокое разочарование (ей-богу, как будто ему светили несколько миллионов за мое «да!»), меня напрочь покинуло желание спускаться к морю. Из меня как будто всю энергию высосали. Как только я вспоминала, каким оценивающим взглядом он награждал мое жилище, как противно ему было глядеть на трещины в полу, так тут же мною овладевала ненависть ко всем местным миллионерам, что теперь, кажется, были повсюду, куда не плюнь. Моя бывшая подруга, наверняка, верещала бы от восторга и принялась бы флиртовать с каждым куском дорого мяса. Это же такая красота! Островок с богатыми холостяками! И плевать, что все они настоящие кретины, готовые на все ради достижения цели. Уж лучше бы как раньше кругом коровьи лепешки ссыхались под палящим солнцем, чем эти напыщенные павлины лежали на своих шезлонгах и принимали солнечные ванны с бокалами коктейлей в руках. Как этот мой сосед, которому я спать помешала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.